

благодарныя стороны для дѣятельности пастырей и воспитателей народа, который—не надо забывать и сего—подъ внѣшнимъ покровомъ обряда, вполне соответствующаго требующему наглядности характеру народнаго мышленія, всегда способенъ чувствовать незримую идею, таящую въ себѣ пренотекущую жизнь духа и истины. Попробуйте вмѣсто того, чтобы только ука-

зывать народные недостатки, перевоспитать этотъ народъ по началамъ его положительныхъ достоинствъ, и вы поймете тогда всю глубокую суть и правду краткихъ, но многознаменательныхъ словъ: „Святая Русь“...

(Продолженіе слѣдуетъ).

I. I.

ПРОТОІЕРЕЙ МИХАИЛЪ

ИВАНОВИЧЪ ХИТРОВЪ.

Выпуская 1-й № журнала для церковноприходскихъ школъ, редація не можетъ не вспомнить добрымъ словомъ одного изъ тѣхъ, которые не только сами цѣлымъ сердцемъ полюбили это святое дѣло, но умѣли и въ другихъ зажигать святую искру того же благодатнаго огня—святой любви къ просвѣщенію малыхъ сихъ въ нашихъ школахъ церковныхъ. Таковъ

былъ почившій другъ и сотрудникъ редактора „Божіей Нивы“ и „Троицкихъ Листковъ“, протоіерей Михаилъ Ивановичъ Хитровъ.

О, какъ бы онъ порадовался, съ какимъ восторгомъ привѣтствовалъ бы наше начинаніе! И мы вѣруемъ, что его душа порадуетъ святою радостью за наше дѣло тамъ, въ горнемъ мѣрѣ, и помолится теплою молитвою, да благословить Господь наше скромное дѣланіе во славу Церкви родной.

нются на весь народъ; на примѣръ, въ голословномъ утвержденіи: „ни одинъ крестьянинъ нисколько не затруднится работать не только въ Воскресенье, но и въ двенадцатый праздникъ, за исключеніемъ, конечно, Пасхи и почти всей Пасхальной недѣли. Ни одинъ, однако, не возьмется за полевую работу въ Ильинъ день: „избави Богъ! Илья накажетъ: градомъ поле выбьетъ!“ Лѣтнее время вообще дорогое время для крестьянина и вполне естественно, что онъ и часы праздничнаго отдыха употребляетъ на работу; но никогда при этомъ онъ не забудетъ ознаменовывать праздникъ и молитвой, или въ церкви, если таковая близко, или дома, хотябы только вспомянувъ о праздникѣ. Его трудъ вполне св. дѣло, совмѣстимое съ праздникомъ, не отвлекающее его отъ утренняго Богослуженія, и нисколько не разсѣивающее его молитвенной настроенности.

Не сомнѣваемся, что въ средѣ нашихъ читателей найдется не одинъ изъ числа учителей, бывшихъ въ 1897 въ Москвѣ на курсахъ, коими завѣдывалъ о. Михаилъ. Надѣемся, что имъ будетъ пріятно взглянуть на дорогія черты лица ихъ бывшаго „инспектора“, будетъ отрадно вспомнить о немъ, прочитать на страницахъ журнала, посвященнаго столь дорогому для почившаго дѣлу нѣсколько свѣдѣній о жизни, нѣсколько личныхъ воспоминаній объ этой свѣтлой личности. А можетъ быть кто-либо изъ нихъ и самъ напишетъ о немъ свое слово

теплое — редакція съ глубокою благодарностью дастъ мѣсто такому слову на своихъ страницахъ.

бытности Русскаго народа; отрѣшиться отъ Православія для народа значило бы отрѣшиться отъ самого себя, пере-

Протбіерей

Михаиль Ивановичъ Хитровъ.

Но прежде, чѣмъ говорить о немъ самомъ, приведемъ здѣсь его основные взгляды на значеніе церковности въ народной жизни, взгляды, которые и мы всецѣло полагаемъ въ основу программы нашего скромнаго изданія.

По его представленію Православная Церковь и Русская народность также неразлучно связаны другъ съ другомъ какъ—тѣло и душа. Безъ Православія въ его глазахъ не могло быть и само-

стать быть народомъ Русскимъ, сдѣлаться чужимъ самому себѣ. При такомъ возрѣніи на взаимныя отношенія Православія и Русской народности, служить Православной вѣрѣ значило для о. Михаила служить духовному развитію Русскаго народа; наоборотъ быть врагомъ Церкви значило работать надъ духовнымъ умерщвленіемъ своего народа.

Скованный рабствомъ, оскудѣвшій

притомъ активными духовными силами въслѣдствіе разрыва съ передовою своею частію, измѣнившію его завѣтамъ, народъ и послѣ Петра продолжалъ еще долгое время жить прежнею стійкою жизнію, крѣпко храня въ душѣ святыню Православія, но не умѣя по причинѣ умственного невѣжества проявить свою любовь къ нему активнымъ образомъ.

Въ такомъ состояніи народъ пребывалъ до второй половины XIX вѣка. Но съ эпохою Александра II, освободившаго Русскую землю отъ связывавшихъ ее путь, пришла очередь и для народной массы пережить тотъ искусъ, которому передовая часть его подверглась уже въ эпоху Петра.

„До второй половины текущаго столѣтія“, говоритъ о. Михайлъ, „наша деревня жила старорусскою жизнію, крѣпкою своимъ вѣковымъ бытомъ, священными преданіями завѣтной старины, укладомъ, унаслѣдованнымъ отъ дѣдовъ и отцовъ. Настало иное время. Съ развивающеюся фабричною жизнію, съ быстрыми и дешевыми путями сообщенія, съ многими другими обстоятельствами,—деревня нынѣ собралась въ невѣдомый путь“...

При томъ взглядѣ на значеніе Православія въ духовной жизни Русскаго народа, который существовалъ у о. Михаила, понятно, какъ долженъ былъ тревожить его душу переживаемый въ настоящее время народомъ духовный кризисъ. Останется ли народъ вѣренъ своему историческому призванію или отступитъ отъ него по примѣру своей интеллигенціи?—вотъ, что считалъ онъ кореннымъ, центральнымъ вопросомъ настоящаго времени, вопросомъ, отъ котораго зависитъ все будущее Россіи. Въ самомъ дѣлѣ, видя уклоненіе съ прямого пути интеллигенціи, можно было еще утѣшаться

надеждою на народъ. Но съ измѣною своему призванію народа, никакимъ надеждамъ, никакимъ утѣшеніямъ не было бы мѣста. Конечно, не за судьбу дорогого ему Православія боялся о. Михайлъ: Церкви Христовой и врата ада не одолѣютъ, а Богъ и изъ каменной можетъ сотворить дѣтей Аврааму. Но неужели Русскому народу, какъ нѣкогда іудеямъ, придется выслушать отъ Господа горькія слова: „се оставляется вамъ домъ вашъ пустъ“!?

Это тревожное настроеніе души о. Михаила слышится въ слѣдующихъ словахъ его, сказанныхъ за нѣсколько мѣсяцевъ до смерти. „Положеніе грозно, моментъ критическій... Въ народную жизнь неудержимо врываются чуждые ей разлагающіе элементы. Простая младенческая вѣра прежнихъ временъ и въ средѣ народа уже становится вѣрой испытующей. Духовные запросы народа растутъ... Развитіе сектантства указываетъ уже и на темные стороны совершающейся перемѣны — на стремленіе освободиться отъ церковной дисциплины“...

Тяжесть положенія увеличивалась, въ глазахъ о. Михаила, еще благодаря непрошеннымъ радѣтелямъ о народномъ благѣ, этимъ „волкамъ въ овечьей шкурѣ“, которые стремились и стремятся увлечь народъ съ его прямого пути. Вотъ какія скорбно-гнѣвные слова вылились изъ груди его по поводу этихъ радѣтелей въ послѣдней московской публичной рѣчи его,— слова, въ которыхъ, какъ живой, рисуется весь о. Михайлъ съ его беззавѣтной, не только умъ или сердце, всю жизнь его проникающей любовью къ Православной Церкви.

„Намъ предлагаютъ отказаться отъ археологическихъ обломковъ старой традиціи и выработать новое міросозерцаніе, и мы посылаемъ своихъ дѣ-

тей учиться всему этому... О, дивные, чуднопрекрасные образы давно минувшаго, такъ сроднившіеся съ душою, прощайте! Дорогія съ дѣтства, впервые произнесенныя любящими устами матери, имена — Виолемъ, Назаретъ, Іерусалимъ, Голгоѳа, символъ самоотверженной, распявшейся за грѣхъ міра Божественной Любви—крестъ Господень,—вы, священные сонмы апостоловъ и мучениковъ, своею кровью запечатлѣвшіе правду вашей вѣры, прощайте! Скоро все это, какъ ненужные обломки, снесутъ въ архивъ! Многострадальная исторія Русскаго народа, съ незыблемою вѣрою во Христа, поборовшею внѣшнихъ и внутреннихъ враговъ своихъ, — мы отвертываемся отъ тебя! Мы разрываемъ всякое духовное родство съ вами, мы чужіе вамъ, наши предки, своими чудесными подвигами создавшіе для насъ наше современное положеніе! Боже, долго ли продлится наше безуміе?“

Къ чему же обязываетъ такое положеніе дѣла людей, призванныхъ, подобно о. Михаилу, трудиться на нивѣ духовнаго просвѣщенія народа? Обязанность ихъ ясна—служить съ самоотверженіемъ тому священному стягу, подъ сѣнью котораго въ теченіе вѣковъ жилъ Русскій народъ и который въ наши дни былъ поднятъ на новую высоту великимъ Миротворцемъ, Александромъ III.

Вотъ какъ выражалъ эту мысль о. Михаилъ.

„Отцы наши, первоучители свв. Кириллъ и Меодій, Антоній и Θεодосій, преподобный Сергій и все многое множество великихъ подвижниковъ земли

Русской зажгли искру любви Божіей въ сердца народа. Намъ теперь предстоитъ завершить ихъ подвигъ. То, что воспринято было горячимъ чувствомъ юнаго народа, что долго держалось отцовскимъ и дѣдовскимъ преданіемъ, намъ предстоитъ озарить веѣмъ свѣтомъ лучезарнѣйшаго идеала, осмыслить и просвѣтлить народное религіозное сознаніе“.

„Не смутимся“, говорилъ онъ, обращаясь къ своимъ соратникамъ, „тѣмъ, что маловѣрующая интеллигенція ослабляетъ вѣру народа и своимъ полужыгическимъ образомъ жизни и своими внушеніями, что сектантство начинаетъ уже разѣдять цѣльность духовнаго народнаго организма, что такимъ образомъ и сверху, и снизу, и совнѣ народъ нашъ подвергается страшнымъ искушеніямъ,—путь нашъ ясенъ! Это путь древнихъ великихъ святителей, въ страшныя времена татарщины, поднимавшихъ упавшій духъ народа, возрастившихъ юное Московское государство, это путь Гермогена и его великихъ сподвижниковъ... Это наконецъ путь, на которомъ верховнымъ Вождемъ нашимъ будетъ Тотъ, Кто нѣкогда, говоря словами одного писателя, будучи чистѣйшимъ среди могущественнѣйшихъ и могущественнѣйшимъ среди чистыхъ, Своею пронзеною рукою сдвинулъ со своихъ основъ царства и вывелъ изъ Своихъ руслъ потокъ вѣковъ, и теперь еще, какъ и всегда, всемогуще царствуетъ надъ временами!“

Какія чудныя, ободряющія слова! И къ кому ближе всего относятся они, какъ не къ пастырямъ Церкви и труженикамъ церковной школы?

(Продолженіе слѣдуетъ).